

1970

10 января, Львов. Шестого января я вылетел в Москву для представления в ЦК КПСС по поводу назначения на должность командующего войсками Прикарпатского военного округа.

В 9 часов, 7 января, в ГУКе я встретился с генерал-майором Радионовым, в 10.00 меня принял генерал армии Гусаковский. Он давал напутствие, суть которого сводилась к следующему: «Мы Вас долго держали заместителем командующего войсками округа. Вы иногда мелочитесь, беретесь за крупные дела, а мелочи отдаете другим. В ЦК не сопротивляйтесь, когда будут говорить о недостатках, должны это понимать».

Комментарии: насчет «долго» - больше всего это касается Гусаковского и, кажется, И. И. (только догадка); насчет «мелочей» - я как раз и занимаюсь тем, о чем Гусаковский говорил, только не «вообще», а основательно, чего Гусаковский знать не может, он слушается кадровиков; насчет «сопротивления» - я достаточно самокритичен и в ЦК был 5 раз.

В ЦК КПСС я прибыл в 13.45, а в 14.00 (7.01) был принят инструктором отдела административных органов Серебряковым. Была беседа, которая меня совершенно не затронула, но об округе разговор был долгим: говорилось об ошибках в кадрах, о запущенности в Военторге и неприятии мер при утрате оружия и боеприпасов. Затем он представил меня заместителю заведующего сектора СВ (товарищ Потапов отсутствует) Голякову. Здесь разговор зашел сначала о моих недостатках, о том, что необходимо работать спокойно, не дергать людей (!?). Затем об округе. Те же вопросы.

Примерно в 17.30 Голяков представил нас (со мной был еще генерал-лейтенант Белоножко, назначаемый командующим войсками ТуркВО) заместителю заведующего отделом административных органов товарищу Мальшакову. Те же вопросы об округе (т.к. полгода командую, то надо отчитаться), затем проблемные вопросы. Весь разговор Мальшаков молчал, а затем спросил: «Как Вы чувствуете себя в связи с назначением?» Я колебался, что ответить. В душе волновался, как сумею выполнить большое дело, и вместе с тем думал, что если так отвечу, то подумают: он трусит. И я ответил: «В окружном аппарате 3,5 года. Многое мне ясно из того, что делать». Голяков: «Не слишком ли это самоуверенно?»

8 января, как было указано, мы с Белоножко прибыли в административный отдел ЦК к товарищу Голякову к 9.00. Еще вечером, накануне, по предложению Мальшакова мы изучили речь Брежнева на декабрьском Пленуме ЦК КПСС.

Однако Брежнев был занят и нас принял только в 15.00. В 14.30 мы с Мальшаковым прошли в первый подъезд ЦК КПСС, поднялись на 3-й этаж. Мальшаков зашел в приемную Брежнева, а мы остались в фойе этажа. Он вернулся - Генсека еще нет. Около 15.00 раздался его (Брежнева) голос в коридоре: «Здравие желаю». Мы ответили тем же. Он улыбнулся и вошел в кабинет. Мы были приглашены в приемную. Брежнев через своего помощника пригласил Мальшакова в кабинет и беседовал с ним 10 минут. Затем пригласили меня. Я вошел, доложил: «Первый заместитель командующего войсками Прикарпатского Военного Округа, генерал-лейтенант товарищ Обатуров».

Леонид Ильич сидел в конце длинного стола, сбоку от него у окна сидел Мальшаков. Леонид Ильич поздоровался за руку, предложил сесть. Я сел напротив Мальшакова. Брежнев закурил. Началась беседа. Брежнев: «Вот, задержался с Вашим приемом, всегда не хватает времени. Вся жизнь – в долгу, видимо, где-то, когда-то упаду должником. В комсомоле работал – не хватало, на партийной работе – тоже, и на военной – никогда не хватало времени. Да еще курю много. До нас с Украины дошли слухи, что Вы устроили заговор и хотите в Прикарпатье захватить власть». Я: «Это лучше знает ЦК. В Днепрпетровске я был близок к заговору». Брежнев: «Хорошо, какая там в Прикарпатье группировка войск у нас?» Я перечислил. «А какие ракеты, как быт ракетчиков?». Я перечислил и сказал: «Быт намного лучше, чем в других войсках». Брежнев: «А кто командующий?» Я: «Мелехин». Брежнев: «Не знаю, он из молодых. Я давно не беседовал с ракетчиками, надо их собрать. А то они быстро делают дырки, ставят ракеты, а люди – как попало. Наверное, не зря я послал туда в МО Комаровского, он с размахом, видимо, лучше дело пошло. А я ведь сам службу заканчивал в ПрикВО. Сначала мы стояли в Черновцах, затем во Львове». Я: «Мы знаем и помним, что Вы были начальником политуправления ПрикВО». Брежнев: «Политуправление там же, на узкой улице, в центре?» Я: «Нет, Леонид Ильич, мы построили новый штаб и ушли оттуда. Там было очень плохо». Брежнев: «Кто член Военного Совета?» Я: «Средин». Брежнев: «Не знаю. Это из молодых. Старших товарищей я много знал. Теперь обновились. Тут я приложил руку. Нужно помоложе. Это – армия. Правда, старые сопротивляются, не хотят уходить. Тут один, такой старый, 70 лет, говорит мне: «У меня дед прожил 92, бабка – 90, отец – 89, я полон сил, хочу служить». Я говорил Алеше Епишеву, нужно больше заботиться об офицерах. Возьмите Дальний Восток. Служба там усложнилась».

Обстановка сложная и не видно облегчения. Я говорил товарищам из ЦК и правительства: царь построил туда одну, очень длинную нитку, а что мы сделали за 50 лет?» Я: «Коммуникация под огнем, дорога проходит в 6 км от границы». Брежнев: «Ну, а как Вы сами чувствуете себя в роли командующего, если Вас утверждать? Мы придаем отбору командующих большое значение. Это в случае войны – командующие фронтами». Я: «Конечно, новое большое дело настораживает, беспокоит, как пойдет. Буду оправдывать доверие».

Брежнев: «У Вас опыт большой, уже фактически командуете. Хорошо, сегодня представим Вас на заседании Политбюро, желаю Вам успехов». Он пожал руку, и я, поблагодарив, пошел к двери. Брежнев: «Да, товарищ Обатуров, Вы читали мое выступление на Пленуме ЦК КПСС?» Я возвращаюсь и говорю: «Читал. Вчера читал и стенограмму Вашего выступления на совещании секретарей обкомов после третьего съезда колхозников». Брежнев: «Там я кое-кого перехвалил, а на Пленуме сдержаннее был. Конечно, к армии это не относится, но надо без крайностей. А то есть у нас такие, кто любит растаскивать средства. А надо отвечать и считать деньги, а то мы доверяем много. Мы не можем привлечь многих к ответственности». Беседа длилась 18 минут.

В 17.00 мы прибыли в Кремль, в приемный зал заседаний Политбюро ЦК КПСС. У них пять вопросов, а потом мы с Белоножкой. В приемной маршал Захаров отругал нас за то, что по прибытии не представились. Но мы объяснили, что Гусаковский сказал, что он (Захаров) знает, представляться не нужно.

В 18.20 вызвали меня. Кроме Брежнева за столом сидели Громыко, Келдыш, Смирнов и др. Брежнев изложил основные данные обо мне, о нашем разговоре с ним и задал вопрос: «Какие будут предложения?» Сулов: «Утвердить», остальные ответили так же. Брежнев: «Других предложений нет? Нет. Товарищ Обатуров, Вы утверждаетесь, и мы желаем Вам успешного командования».

Я вышел и тут только поверил, что назначили.

8 января произошло еще одно событие: внеполигонное бомбометание в нашей ВА на Каменка-Бучском авиаполигоне. Бомбы сбросили на Д.....ГРЭС. Побили стекла, но не попали. Дело было так. Ведущий пары по радиолокационному бомбоприцелу взял контраст – две точки, тогда как цель имеет три точки, т.е. проявил халатность. А это была ГРЭС. Начальник полигона, имея неисправной одну РЛС, преступно и халатно работая, понимал отклонение, а подтвердил «правильно». 9 января Куцевол (член ВС округа) собрал бюро обкома (почему бюро, а не военный совет?). После моего прибытия сказал, что надо было докладывать (!?) в ЦК. Вызвал на бюро Якушина, Фомичева и др.

Случай – безобразный. Сегодня приказом я снял трех офицеров с должностей.

1973 год

5 мая, Львов. Вчера позвонил Шкадов и сказал, что МО предлагает мне пост первого заместителя Главного инспектора МО. Нужен ответ. Я сказал: «А чем это вызвано? Что я такого совершил ненормального?» Шкадов: «Наоборот. Это доверие МО. Он остановил выбор на Вас» Я: «Эту должность не ценят, она не имеет веса. Там даже адъютант не положен». Шкадов: «Это преувеличение. Там кадры старые, включая товарища Москаленко, нужно их укреплять». Я попросил сутки.

Сегодня утром он меня нашел и спросил ответ. Я очень переживал и принял это предложение, как обиду. Хотел ответить категорическим отказом и просьбой оставить на месте. Но, зная характер МО, думаю, что этим только испорчу отношения, ведь он всё равно проведет свою линию. Вместе с тем, мне уже 58 лет, и хотя я полон сил и энергии, кое-кто смотрит на меня, как на устаревшего. Но согласиться с этим я тоже не могу. Поэтому я ответил: «Мне доверено командовать округом. Я хотел бы этим заниматься. Столько, сколько мне доверяют. Но Министр Обороны, наверное, лучше знает, как меня использовать».

6 июня, Львов. С 18 по 28 мая МО Гречко провел оперативно-стратегическое КШУ, с 21 мая по 4 июня – войсковое учение на Украине. У нас представителем руководства был генерал-лейтенант Андриющенко, в армиях – первые замы из БВО, ТуркВО. К нам было дано управление УрВО во главе с Сильченко.

В войсковом учении участвует объединение генерала Зайцева, куда входили Прейсман в полном составе, Нечаев и одно «Б» хозяйство из БВО.

Замысел был неплох. Осуществлен. Продолжительные ливни испортили почву, ветры дали большую волну Киевскому морю.

Никитин, начальник Главного штаба СВ, заявил необоснованно, что соединение задачу вовремя не выполнило, хотя даже Генштаб подтвердил, что выполнили. Всего прошли своим ходом около 1350 км. На обратном пути учение вел я с Фомичевым, Ивановым, Головановым, Свиридовым, Черниченко.

Обеспечивать путь для гусеничных машин было трудно. Помимо раскисшего грунта (обратно стало подсыхать) плохо было то, что танки имеют очень высокое удельное давление. Опыт войны (с Т-34 на нашей стороне), которая вся прошла с «Пантерой» и «Фердинантом» (у фашистов), не надо забывать ни конструкторам, ни нам, военным. А с этой машиной забыли, и за это можно на войне тяжело поплатиться.

9 июня, Львов. Вчера разбор учения провел МО. Упрек в адрес соединения Преймана: не показало своих маневренных возможностей, хотя действовало в сложных почвенных условиях. Я еще раз все проанализировал и пришел к выводу, что ничего лучше сделать было нельзя. Какие усилия были вложены! МО сказал: «Я за 2 месяца предупредил командующего войсками (имел в виду меня), что дивизия пойдет на большое расстояние...» (?) Не думаю, что кто-либо сделал бы лучше. Ведь к тому же марш вперед был без участия округа, нам не дали им заниматься.

15 июля, Львов. Звонил Шкадову, сказал, что хочу поговорить с Министром Обороны, чтобы меня оставили на месте. Шкадов сказал, что поздно, все материалы уже в ЦК. Потом сказал, что МО сначала сказал: «Подождем», а потом сказал: «Давайте оформлять». И затем спросил: «А с Вами Министр не говорил?» Я сказал: «Нет». Шкадов: «Странно, а он хотел говорить».

Вот так. Чтобы назначить на округ, говорим с Генсеком ЦК КПСС, а чтобы назначить на выдвижение, Министр не считает нужным поговорить.

18 июля, Москва. Сегодня в перерыве между заседаниями сессии Верховного Совета СССР был на приеме у Гречко. Увидев у меня солидную папку, МО сказал: «Я говорю командующим, которые ходят с большими папками ко мне: «Моя мама говорила попрошайкам: «Идите, бог подаст». И я говорю так командующим: «Идите, бог подаст». Что это? Каприз?»

29 июля, Москва. Был в ЦК КПСС у Савинкина и Потапова по поводу назначения. Уговаривали и доказывали, что это важно. Был у генерала армии Соколова. Тот тоже доказывал, что это важно.

4 августа, Львов. Сегодня сдал округ вновь назначенному командующему генерал-полковнику Варенникову, бывшему первому заместителю ГК ГСВТ. Попрощался с управлением округа. Рассказал новому командующему об округе, о ближайших задачах, нуждах, устройстве, перспективах и кадрах.

Шкадов позвонил и передал указание МО: «Как Обатуров сдаст округ – пусть идет в отпуск!»

23 сентября, Москва. Суть работы:

Министр принимает решение, чтобы проверить (или проинспектировать). Разрабатывается план. По утвержденному плану Министром Обороны создаются группы и подгруппы. После составления подробного плана и подготовки по группам – обобщений инструктаж Главного инспектора. После проверки (инспектирования) – обобщение материала, главным образом, силами планового отдела под руководством заместителя (второго). Разрабатывается доклад для Министра Обороны.

Во всей этой работе нет того главного, что увлекает профессионального военного, т.е. командира. Нет самостоятельности, творчества, ответственности, руководства многотысячным коллективом. Напряжение носит эпизодический характер. Следовательно, работа для того, кто не любит перетруждаться. У настоящего командира нормальное состояние – напряжение, работа, как правило, без выходных. У него всегда интересно, ново.

18 октября, Москва. Вчера был прием в усадьбе под Москвой по случаю 70-летия МО Гречко. Он принимал примерно 70 человек руководящего состава. Маршал Москаленко в командировке (в Афганистане), поэтому был приглашен я. На приеме первым выступил Куликов, затем в порядке: Якубовский, Епишев, Кутаков, Павловский, Толубко и др.

После окончания, при выходе, Гречко остановился напротив меня, посмотрел неприятно...и пошел. Наверное, за последнее учение в ПрикВО (без меня) либо хотел отчитать, либо подумал, зачем Обатурова пригласили.

25 декабря, Москва. В период с 10.11 по 18.12 была проверка. Я возглавлял группу по проверке Байконура, затем группу по проверке Кап. Яра. Чудеса. Люди в пустыне создали город более 100 тыс. населения и в Кап. Яре тоже полупустыня. Трудятся много. Как всегда, подводят промышленники и конструкторы, особенно Уткин. Более половины не выдают по времени.

1974 год

21 июня, Москва. Сегодня хоронили выдающегося полководца Маршала Советского Союза Жукова Георгия Константиновича. Красная площадь на ремонте, поэтому была сооружена временная трибуна между Мавзолеем и Историческим Музеем. В газетах и некрологе было скупо сказано «выдающийся полководец», т.к. очевидно, нельзя этого не сказать. Но сами похороны, отношение к ним и тот факт, что руководство партии и правительства не приняло участие в поминках, говорит о том, что было решено не придавать им значения даже на том уровне, какое придается при похоронах, скажем, членов Политбюро (бывших или действующих). Скорее это было на уровне похорон любого народно-хозяйственного министра. И уж, конечно, похоронам Малиновского было предано значительно большее внимание и значение.

На поминках «старшинство» было возложено на маршала Москаленко, а местом их был ресторан при ЦДСА. Из руководства МО помимо Москаленко были зам. МО по режиму, генерал армии Огарков, зам. по ГО генерал-полковник Алтунин, член коллегии начальник ГУК генерал-полковник Шкадов. Так делается на похоронах генералов армии! Министр с ближайшими заместителями не сочли возможным помянуть Жукова. Возложение обязанностей на Москаленко носит странный характер. Известно, что он принадлежит к тем, кто не питает личного уважения к покойному, о причинах чего следует сказать отдельно. Естественно, что даже в день, когда отдавалась дань умершему, Кирилл Семенович не мог не подлить дегтя в свою речь на поминках. Сказав кратко о полководческих достоинствах Жукова (трижды «талантливый» и лишь единожды «выдающийся») Москаленко подчеркнул, что Жуков «был очень требовательный, даже жестокий человек».

Неуважение к усопшему, семье и другим родственникам высказано этим открыто. Ничего подобного нельзя делать, даже если «жестокость» соответствовала действительности.

Наряду с нами, рядовыми генералами и офицерами, были на поминках и некоторые из боевых друзей, не завидовавшие славе Жукова и способные поэтому объективно его оценивать. Они тепло говорили о Жукове как о великом, выдающемся полководце, великом организаторе побед. Говоря о его человеческих качествах, они сказали, что Жуков не любил неисполнительность, недостаточное трудолюбие, тем более распущенность, и что Жуков с большим уважением относился ко всем тем, кто целиком отдавался делу, вкладывал все силы в выполнение задачи, и был смелым, настойчивым.

Да, не дают покоя лавры и слава Жукова некоторым нашим руководящим военным, поэтому они не прочь при всяком удобном случае принизить роль и славу Жукова, очернить его. Конечно, Жуков не был идеальным (а кто из нас таковым может себя назвать?), но нельзя мелкими обидами на него замазывать и конопатить главное – это выдающийся и гениальный полководец. Наше счастье, что у нас в 1941-43 годах был Жуков в Ставке.

Что касается нашего политического руководства, то нужно сказать следующее: авторитет Жукова в народе столь велик, что убоился этого даже Сталин. Вернее, забеспокоился, думая, что это вредно скажется на авторитете ЦК, его - Сталина, следовательно, отрицательно скажется на делах. И (кажется, в 1948) Жуков был снят с высокого поста и послан командовать небольшим одесским округом, а затем еще меньшим – Уральским. Это было необоснованное гонение, ошибочное и вредное для нашей страны.

Положение с работой Жукова поправилось неожиданно. Хрущев, стремясь укрепить свой авторитет и принизить роль Сталина, возвращает Жукова на роль заместителя МО (кажется в 1954), а позже и на роль МО. Народ и армия восприняли это очень хорошо. Жуков стал работать, авторитет его рос. Он стал членом Президиума ЦК КПСС. Испугался роста авторитета Жукова и Хрущев, только испуг его был другой: у Сталина – прежде всего за успех дела, у Хрущева – за свой авторитет. И поскольку

Жуков вершил дела в МО без ошибок, то он был отстранен со всех постов, исключен из членов ЦК КПСС и оставлен без дела. И это – через 8 месяцев после того, как он получил четвертое звание Героя СССР!

В такой мере не было никакой необходимости. Во-первых, ошибки не были столь тяжелыми, чтобы снимать этого выдающегося человека с работы. Во-вторых, Жуков не таков, чтобы он не понял внушения и не исправил свои ошибки. Он бы все сделал. Но дело в том, что Хрущев думал о своем величии, своем единоличном авторитете и боялся, что у кого-либо и, в частности, у Жукова авторитет сравняется с его, авторитетом Хрущева (?).

Но как бы ни действовали политики, историю не перекроить. Жуков есть Жуков. Он признан народом, а многие из тех, кто искусственно поднимает свою славу, через 10-15 лет будут забыты. Жуков же навсегда останется в народе – ибо это правда. Хотя Хрущев немало сделал для страны, но он и совершил много ошибок. То, что сделал хорошего Хрущев, стоит лишь десятой части того, что сделал Жуков. Вот почему, если и вспоминают Хрущева, то лишь в связи с ошибками. А воспоминания о Жукове всегда связаны с величием патриота, воина и полководца.

Все это так. Пострадал Жуков. Последний период жизни был для него тяжелым. Ведь 17 лет этот титан военного дела, выдающийся военный, был лишен участия в военном строительстве.

Еще больше страдает от этого авторитет страны. Жукова наши друзья за рубежом считают героем победы над фашизмом, а мы его заслуги сводим на «нет». Но тогда кто же руководил победой? Сталина мы торопливо и тоже (необоснованно как военного) развенчали. Жукова развенчали. Значит, победа над мощной фашистской коалицией достигнута под предводительством Эйзенхауэра и Монтгомери?

1975 год

12 мая, Москва. Вчера вернулся с группой товарищей, которая составляла военную делегацию в Румынию в связи с 30-летием Победы над фашистской Германией. Возглавить делегацию МО поручил мне.

Делегация находилась в Румынии с 6 по 11 мая. Встречал и провожал делегацию заместитель МО СРР генерал-полковник Марин Николеску, он же сделал первый прием, на котором была предложена программа, представляющая собой туристическую поездку по местам боев в районы Бухареста, Брашова. Я сказал, что мы – делегация военная и хотим встретиться с военнослужащими армии СРР. Николеску ответил, что они подумают. На следующее утро ответили, что мы можем побывать в училище ПВО (Брашов) и в мехполку в столице. Сопровождал нас заместитель начальника Генштаба генерал-лейтенант Георг Логофесту и переводчик из отдела внешних сношений генерал-полковник Александр Емрижеску. Что бросается в глаза: и в войсках, и в гражданских учреждениях, и в домах – единая карта (видимо, данная Генштабом), по которой Советская Армия освободила лишь малую часть Румынии. Все остальное якобы освободила румынская армия (а мы, видимо, шли маршем). Это извращение проводится в журнальных и газетных статьях, в речах и явилось основой содержания доклада Чаушеску на торжественном заседании. Всюду проводится идея, что СА не освобождала Румынию, а способствовал этому, а Румыния освободила себя сама. Какая дикая фальшь! Чаушеску в своем докладе дошел до того, что вслед за СССР, США и Англией Румыния оказалась четвертой по своему вкладу в разгром фашизма страной. Преувеличивается роль США и Англии, а также Китая во второй мировой войне. В отчетах о приеме у нашего посла и о торжественном заседании газеты и журналы пишут: «На приеме были товарищи Николае Чаушеску (упоминается пять-шесть его титулов), товарищ Елена Чаушеску, а также товарищи...»

Е. Чаушеску – всего лишь директор научно-исследовательского института, как утверждают, «Елена П» - женщина властная. Зажаты кадры неимоверно. В низах говорят, что не знают, где учился Чаушеску (кроме трехлетки) и где его дипломы. Зато он – президент Академии наук СРР!

29 июня, Москва. В период с 3 по 26 июня возглавлял по приказу МО выпуск Военной академии БТВ. В 12.30 25 июня Министр принял меня с отчетом, похвалил меня за работу по выпуску, а Лосика поздравил с выпуском.

Затем я попросил Министра Гречко уделить мне немного внимания по личному вопросу. Разговор был в присутствии генерала армии Соколова.

Я просил перевести меня на другую работу, т.к. на нынешней работе могу применить знания на 30%, а опыта на 20%. Имею силы, желание, а негде. Округа мы проверяем ограниченно. «Что Вы хотите?»

- спросил маршал Гречко. Я ответил, что просил бы вернуть меня на округ. «Это у Вас пройденный этап», ответил он. Я сказал, что прошусь не на выдвижение. Он: «У Вас хорошая должность, нужно служить. Мне, думаете, хочется быть МО и членом Политбюро?» Соколов улыбнулся, я промолчал. «Приказали – я и служу». Я ответил, что если бы я знал характер службы в инспекции, то в 1973 году возразил бы ему. Гречко, с улыбкой: «Не пошел бы? Ну, а что еще?» Я сказал: «Если не хотите на округ, то хотя бы на академию, когда будет возможность». На этом разговор закончился.

Утром 26-го я доложил о состоявшемся разговоре маршалу Москаленко.

19 августа, Москва. Вспомнились некоторые интересные разговоры.

Старейший секретарь обкома страны – первый секретарь Новосибирского обкома КПСС Горячев – 15 сентября 1974 рассказывал Москаленко, мне, Хлопенко, Хомуло и др. в гостинице ВС, СибВО:

«Старый коммунист-подпольщик Аллилуев рассказывал Сталину в присутствии Микояна: в Баку, до революции, Берия в партии не было, мы такого не знали». Сталин сказал: «Поручить Шкирятову разобраться». А Шкирятов – дурак, все собрал, отдал Берия, а тот со всеми, кто откопал о нем, Берии, правду, расправился».

«Первый секретарь ЦК КПУ Мельников доложил Сталину о 600 млн. пудов хлеба, погубленных на Украине при Хрущеве. Последнему попало от Сталина. Позже, придя к руководству, Хрущев устранил Мельникова».

«Работник ЦК КПСС Гусаров доложил о кадровых делах секретарю РК и обкомов на Украине – о беспартийных, которых преследовал Хрущев. Сталин выступил на заседании Политбюро и сказал Хрущеву: «Зачем бить и материть заслуженные, преданные кадры, надо беречь». Когда к руководству пришел Хрущев, то он расправился с Гусаровым, а также с секретарем Тамбовского обкома Никитиным, устранив от руководства».

Маршал Москаленко продолжил разговор: «Василевский утверждает, что они с Шапошниковым были за отвод ЮЗФ осенью 1941, но Сталин не согласился, в результате чего полмиллиона погибло. Они нашли запись разговора по телефону Сталина с Кирпоносом, командующим ЮЗФ, где Сталин отвечал Кирпоносу: «Вы за отвод, а Шапошников категорически против» .

В апреле 1975 в Тбилиси, в гостинице ЦК КП Грузии, Москаленко разговаривал с некоторыми товарищами в моем присутствии. Он говорил о секретаре Сталина Поскребышеве: «Поскребышев был доносчиком Берия обо всем, что шло Сталину. Когда попадали письма в адрес Сталина о необоснованных репрессиях, то они не доходили до Сталина. Поскребышев передавал их Берии. И жалобы, и преследуемые уничтожались».

Еще он рассказывал о 17-18-летних красивых девушках, которые по требованию Берия привозили к нему, он их спаивал, а потом насиловал, делая наложницами.

В Баку Тагиров пользовался доверием Берия потому, что тот нашел документы о том, что Берия был агентом царской охранки и мусаватистом. Эти документы он передал Берии. Берия их хранил в сейфе, и они попали в руки правосудия только после его ареста.

Берия никогда не вступал в партию. Он был обыкновенным самозванцем. Книгу «Об истории большевистских организаций в Закавказье» написали два человека, в т. ч. один в прошлом – меньшевик. Берия этот труд присвоил, а когда те зароптали – уничтожил.

Берия сумел уничтожить лучшего друга Сталина, которому последний очень доверял. Во время отдыха Сталина на Черноморском побережье Берия с подручными инсценировал обстрел машины Сталина специально подготовленной группой. Перед этим Берия сказал о поездке Сталина другу последнего. После обстрела Берия кричал, что тот только один знал об этой поездке и добился от Сталина предания его суду и уничтожения.

1976 год

19 апреля, Москва. Сегодня хоронили Маршала Гречко, скончавшегося 26 апреля в Москве в 6.00 от сердечной недостаточности на Красной Площади. Мы, руководящие работники МО, шли за гробом от Колонного зала. Вчера нас из инспекции никого не пригласили к гробу, а ведь у нас шесть генерал-полковников. Зато в МВД всех офицеров милиции построили и провели у гроба. Что делается! И за гробом шли генерал-майоры из МВД и академий, а из наших – я один. С речами выступали Гришин - плохо,

Ярузельский (МО ПНР) – хорошо, Чкубовский – хорошо, рабочий «Ростсельмаша» – хорошо. Ушел Гречко. Он много сделал.

Сегодня объявили по радио и телевидению вечером Указ «О назначении Министром Обороны СССР Устинова Дмитрия Федоровича». Он – секретарь ЦК КПСС по оборонным вопросам много лет. Член Политбюро ЦК КПСС с 25 съезда. В войну (в конце) возглавлял одно оборонное министерство. Хорошо знает оборонную промышленность, оборонную технику и вооружение, программы вооружений. Дважды герой «соцтруда». Никогда не служил в войсках. О стратегии, оперативном искусстве, тактике не имеет понятия. А ведь Министерство Обороны - не производство. Это – каждодневная учеба воевать! Это значит, что Министр должен учить воевать. Чему может в этом плане научить Устинов? Ничему. Характерно, что никому из военных не доверен пост МО. Почему? Здесь Брежнев действует также, как всегда: прежде всего – личная преданность, а квалификация, умение – потом. Как всегда, единолично. Конечно, посоветовавшись с лично преданными Подгорным, Щербицким, Романовым, Гришиным, Кунаевым, Сусловым, Кириленко (но это – для формы), в духе «ленинских норм» (как хвастают у нас в ЦК, хотя о них снова изрядно забыли). Ведь все решительные, крупнейшие вопросы решает не ЦК в целом, не Верховный Совет, не Правительство, а узкий круг в Политбюро. Даже не все Политбюро, а какой-то квартет, где решающее слово имеет только Брежнев.

С военными в данном случае никакого совета не было. Поживем – увидим, вспомним эту запись. Получил Устинов звание генерала армии. Легко и просто!

10 мая, Москва. 8 мая обнародован Указ Президиума Верховного Совета СССР от 7 мая о присвоении Брежневу звания маршала Советского Союза. Сегодня днем члены коллегии МО подписали Брежневу поздравление. Слух был еще 3 мая.

Маршал Москаленко сказал мне сегодня что накануне праздника 1 мая они поздравляли Брежнева с маршалским званием. Было решено не публиковать, но он, Москаленко, настоял на публикации. Он сказал Брежневу следующее: «Вы воевали, были полковником, потом прошли генеральские ступени. Так чего скрывать?!» Брежнев: «Когда я получил генерала армии – не публиковали, а было тысяча поздравлений. Решение Политбюро – не публиковать». Москаленко: «Народ должен знать. Сейчас получите миллионы поздравлений». «И вот я, - говорит Кирилл Семенович, - был прав: опубликовали». А сегодня Подгорный вручил в Кремле Брежневу маршалскую Звезду в присутствии членов Политбюро и секретарей ЦК КПСС. Выступил с речью Подгорный. В ответной речи Брежнев сказал, что ему посчастливилось вложить труд (!?) в оборону страны.

Брежнев – крупный деятель нашей партии. Сменив Хрущева в октябре 1964, допустившего немало ошибок, много что хорошего сделал на этом посту, но не прошел испытания славой («медными трубами»), не выдержал славы, закружила она его. Как будто все верно: в Политбюро коллективизм. Но постепенно он взял туда послушных и старых друзей, окружив их заботой и наградами, а затем они стали петь дифирамбы, во всем соглашаться. Вот и ленинские нормы в работе Политбюро. Да и ведь демократия-то не та, что свойственна духу нашей ленинской партии. В конце концов, получается, что решает все Политбюро, а пленум ЦК КПСС и сессии Верховного Совета «штампуют». Заранее назначаются (вернее определяются), как правило, надежные, несвоевольные, т.е. те, кто смотрит в рот.

Вот так и находятся люди, которые вчера предложили генерала армии, а сегодня – маршала. А ведь маршала-то дают не просто за труд, а за ратный труд, и не просто за ратный труд, а за выдающиеся операции и за выдающиеся успехи в обучении, подготовке ВС в мирное время. Что же из перечисленного есть у товарища Брежнева?

А зачем нужно Генсеку маршалское звание? Разве у него мало власти, возможностей действовать по обороне страны? Зачем? Да для поднятия, восхваления, вознесения на необъятную высоту! Так делают себе богов! Рано же мы забыли культ личности, его вредные последствия. Рано! Смешим себя перед всем миром. Ставим снова самих себя, как и при Сталине, в неудобное положение. Как бы снова не пришлось расплачиваться за последствия культа.

Уверен, что большинство трудящихся это не одобряет. Не говорят вслух, но и не одобряют. 8 мая, во время дежурства дежурный генерал Т., услышавший по радио весть о присвоении звания «маршала» Брежневу сказал: «Зачем это ему нужно? Красиво ли это? И что, сейчас война? Зря это!» Когда сегодня перед обедом один генерал поздравил группу других с тем, что Брежневу дали звание маршала, те, усмехнувшись, покачали головами. Интересно, а звание генералиссимуса он присвоит себе сам уже в этом году? Третью золотую медаль он получит, это ясно, ведь в Политбюро поочередно друг другу

дают. Ну, а если к 70-летию не станет генералиссимусом, то, по логике, станет в 1978 (возможно, к 60-летию ВС СССР).

Стыдно мне и за Вас, товарищ Генсек, и за то, что в нашей партии, в ее высшем руководстве отступают от великих партийных принципов справедливости и этики, начертанных на высоком звании коммуниста!

1976

12 декабря, Москва. По поводу смерти маршала ССР Якубовского «Красная Звезда» и «Правда» опубликовали немало соболезнований. Но в дальнейшем, думаю, история еще скажет об этом «выдающемся военном деятеле» свое истинное слово. А может быть, совсем не скажет? Не скажет, может быть, потому, что стоит ли этим заниматься? Что собственно он совершил? Можно сказать лишь, как о дважды герое ВОВ – храбром командире батальона и танковой бригады. Об этом надо сказать. И все. Но все или большинство, кто его близко знал, кто с ним служил, думаю, не отнесут его к «выдающемуся». Счастье наше, что он не стал Министром Обороны. В главном, в военном деле, он был посредственным человеком. Ничего он глубоко не знал и еще меньше умел. Его административные качества, которые давали иногда временные достижения, состояли в том, главным образом, что он грубостью, хамством и нажимом выжимал из подчиненных все, что можно. У него нечему было учиться. Он не оставил следа как учитель, педагог, воспитатель. Таким он не был. Трудолюбием не отличался. Личными его чертами были: страсть к окружению себя подхалимами, угодниками, нетерпимость к людям самостоятельным, имеющим мнение отличное от его, полное нетерпение к мнениям, отличающимся от его взгляда и соображения. Тем больше он бесился, если кто-то возражал. И не дай бог, если ему подхалимы докладывали, что кто-то не согласен с его практикой. Он быстро добивался изгнания такого товарища, понижения, очернения перед другими. Был мстителем.

Вторая черта – создать о себе благоприятное впечатление у сильных «мира сего». Как это было четко видно на Украине, когда он заискивал перед Шелестом и Щербицким. Так он быстро оказался в Политбюро, ЦК КПУ, так он быстро стал первым замом МО округа! Нет! Нет ничего «выдающегося» в этом человеке.

Одинцов рассказал мне об отзыве Маршала СССР Кошевого о Якубовском. Кошевой доверительно сказал двум товарищам в то время, когда он был ГК ГСВГ в Германии, о Якубовском следующее: «Якубовский ужасен сейчас, когда он под контролем, но беда нам, когда, вот уже скоро (имелось в виду, что он может стать МО) он будет вне контроля. Сочетание безграмотности и высокомерия с чванством и хамством всегда дорого стоит людям, над которыми оно возвышается».

1977

1 января, Москва. Истории, рассказанные Москаленко:

«Во время Парада Победы в 1945 году полководцы собрались в комнате Мавзолея Ленина. Генерал армии Еременко (такое звание он носил в то время) выступил и предложил присвоить Сталину звание Героя СССР и Генералиссимуса. Еременко при этом мотивировал так, что на Руси был генералиссимус Суворов, но Сталин выиграл более трудную войну и должен носить это звание. Его поддержали Говоров, Булганин, Рокоссовский. Сталин сказал: «Разве вы не знаете, какой холуй Еременко, какой он угодник? Не обращайтесь на это внимание, не делайте, что предлагает Еременко. Не следует».

Кончилась война, Сталин стал Маршалом, но не имел звания Героя СССР. И это после такой-то войны, выигранной под его руководством! Скоро Сталину присвоили и Героя, и Генералиссимуса.

В конце войны Еременко собрал группу поэтов, которая в пушкинском стиле написала поэму о Сталине. Эту книгу Еременко отдал золотом, как «Евангелия» Патриарха. Москаленко говорит, что он эту книгу видел. Доложили Сталину. Последний запретил издавать ее».

Москаленко рассказывал далее, что: «...как-то перед учением «Двина» (зима 1971) с ним по телефону говорил Брежнев и, между прочим, сказал, что надо подсказать МО Гречко, чтобы на учение пригласили маршалов из группы генеральных инспекторов, а то из-за того, что их игнорируют, они не любят Андрея Антоновича». Москаленко доложил просьбу Брежнева Гречко. Последний сказал: «А Вы,

Кирилл Семенович, спросите Брежнева – кто его любит?» Москаленко передал это Брежневу, тот рассмеялся. Из группы генеральных инспекторов никто не был приглашен».

Москаленко рассказывал также, что «...как-то зашел разговор о Сталине с Гречко. Последний сказал: «Ну, его к черту, этого Сталина. Он на фронте мне не дал звания Героя СССР, теперь мне его дали задним числом, а это не то».

Однако и Гречко, и Брежнев получили по две «Героев» задним числом, и с радостью.

12 марта, Москва. Вот уже около 2 месяцев в США, Англии, Франции, ФРГ, Италии идет антисоветская свистопляска в печати и в речах лидеров по поводу нарушения прав человека в СССР. Эта кампания тщательно спланирована и скоординирована и идет под единым руководством, конечно, реакционных кругов США (Конгресс, ЦРУ, КПП-мини и др), которые имеют цель свести на «нет» Хельсинки и вернуть все к холодной войне. Сорвать заключение соглашения между СССР и США об ограничении стратегических ядерных вооружений. И его противники в качестве повода использовали высылку из нашей страны двух отщепенцев, уголовников, ничего не представляющих из себя (Буковского в обмен на Корвалана). Антисоветчики назвали их диссидентами. Новая администрация США, вступив в январе в руководство страной и желая дешевым путем заработать популярность, подхватила эту кампанию (Картер) и выступает в поддержку уголовников, «печется» о правах человека в СССР, вмешивается в наши чешские и польские дела. Картер прислал преступнику Сахарову телеграмму с поддержкой его антисоветчины, принял уголовника Буковского. В эту кампанию включились руководители Италии, Франции, Испании, Бельгии, Швейцарии и других, ставших в последний год на путь ревизии марксизма-ленинизма, отрицания диктатуры пролетариата и других всеобщих истин пролетарской революции и желающие выслуживаться перед буржуазией для завоевания голосов. Чья бы корова мычала? Господам этим всем не решить свобод у себя, а мы уже давно их решили. В свете всего этого важно не только то, что свистопляска против нас не первая и она не повернет нас. Не первый раз на нас лают. Важно то, что обострение отношений сейчас всегда опасно, так как ядерных средств в США и у нас столько, что не один раз можно уничтожить мир. Обострение ведет к еще большему их накоплению. Следовательно, больше опасности. Поэтому приходится еще раз вернуться к неоднократным заявлениям Брежнева о том, что разрядка в Европе факт, что нами одержана большая победа. Эта переоценка снижает бдительность людей и их готовность. На самом деле в разрядке делаются лишь первые шаги. Это последняя антисоветская кампания показала, что антисоветчина сильнее, чем наши друзья, и что она поведет за собой не только средние слои, но и значительную часть рабочего класса Европы. Что поэтому нужны не иллюзии, а упорная борьба и не следует преувеличивать наши успехи в политике разрядки. Если бы Брежнев половину того времени, которое он затратил на визиты в буржуазные страны и на приемы их руководителей, потратил на посещения предприятий, колхозов, совхозов (особенно запущенных участков в России), а также на изучение причин низкой производительности, дисциплины и принял бы меры по их укреплению, то дела бы у нас шли в производительности на 4-6% выше, а в качестве – на 10-20%. От этого в разрядке мы достигли бы, думаю, не меньше. Считаются не с сильными словами, а сильной экономикой. Но ведь никто в руководстве не думает об этом так. А народ всюду так говорит. Не знают члены Политбюро настроения масс. Они оторваны от них и изучают их по докладам обкомов и ЦК компартий республик. А те либо сами не знают из-за оторванности от масс, либо подгоняют под выступления Брежнева, под фанфары благополучия и восхваления того, что хвалить нельзя. Отсюда и самоуспокоенность руководства.

17 июля, Москва. Несколько слов о некоторых чертах и свойствах характера маршала Москаленко.

Он безгранично предан военному делу. Мысли его – в работе, в деле, в озабоченности за лучшее выполнение порученного дела Главного инспектора МО, хотя не один раз он мне говорил, что этой работой он не удовлетворен, что этот «мерзавец Хрущев» его пересунул на эту работу (с должности ГК РВ СН). Кстати, этот «мерзавец» сделал его Маршалом СССР. Известно, что перемещения на Главного инспектора добился у Хрущева тогдашний МО маршал Малиновский, который считал Кирилла Семеновича ограниченным, неорганизованным, не соответствующим ответственной должности ГК РВ СН. Помню, как мне на 22-м съезде КПСС Толубко говорил о К. С., что он очень тяжел по характеру, неорганизован, игнорирует заместителей (Толубко был первым замом тогда у Москаленко): «С вечера не знаем, что ему придет в голову с утра, куда и зачем погонит. А гоняет по мелочам, не по важному и главному - этого он никому не доверяет».

Исполнителен, крайне болезненно переживает малейшее замечание МО, его первых замов, начальника Главного ПУ. Много проводит времени на службе, хотя уже вполне естественно (11 мая ему исполнилось 75 лет) устает и днем по часу, а то и больше отдыхает. Заботлив о подчиненных, добивается званий и наград.

Однако мне кажется, многие недостатки весьма снижают его достоинства. Перед начальством он пуглив, даже труслив.

Он имеет свое мнение, но немедленно его изменяет, когда узнает, что руководство имеет другую точку зрения. При подготовке к выступлениям на Коллегии он озабочен тем, как бы узнать, что думает МО, начальник Генштаба, начальник Главного ПУ. Но ведь не всегда это известно заранее, поэтому он аккуратно нацупывает в разговорах, о чем могут думать те. Бывает, что узнать не удастся, тогда он готовится со своим мнением, но старается выступить тогда, когда направление обозначится. Бывает, что он не попадает в «голову начальства», тогда остро и не один день переживает. Позавчера он выступал на Коллегии и мягко упрекнул министров, занимающихся обороной, за опоздания с делами, а МО сказал, что было бы неверно так категорично упрекать. И что же? К. С. приехал в кабинет расстроенный и в нашем присутствии (6 человек) без стеснения позвонил Устинову и сказал, что он извиняется за свое выступление, что, мол, он хотел поддержать его, МО, перед министрами и т.д. Неприятно было слушать.

С подчиненными он подчеркивает свой большой опыт, знание всех ВС (он был в прошлом артиллеристом, потом общевойсковым, ПВО, ракетным деятелем), знание математики, физики, марксизма-ленинизма, подчеркивает с превосходством, бесспорностью. Но мы все знаем, что в науках он – профан, схвативший кое-какие верхушки. Он может, например, поверить такой нелепости, как, например, ему ляпнул (ради смеха) генерал-полковник Бочков, командующий войсками МО округа ПВО, сказав, что ракету в воздухе можно завернуть обратно и вести ее на себя.

Часто допускает незаслуженные обвинения. Болтлив. Не стоит ему рассказывать о недостатках или ошибках кого-либо: завтра он расскажет об этом всем (указав при этом на тебя), расскажет даже с трибуны. Всем рассказывает о том, как он много делает, чтобы поведать всем о выдающейся роли Брежнева в войне (но ведь в войну о Брежневе никто не слышал и не знал), подчеркивает, что на одном фронте с ним Леонид Ильич был членом ВС. Рассказывает, что Г. пытался не признавать, что Брежнев до конца войны получил звание генерала, но он, мол, доказал, что Л. И. был генералом на фронте, о чем сам и доложил Брежневу. Шлет Брежневу подарки. Даже такой сановник, как Гречко, не смог отправить его на отдых, т.к. поддерживает его во всем Генсек. На сегодня не найдется на вершине лестницы ни одного человека, который бы внес предложение, отличное от того, которого придерживается Генсек. Это ведь Москаленко внес предложение (и оно получило осуществление в «Истории второй мировой войны») о том, чтобы сравнить значительность битвы за Кавказ со значительностью Курской битвы. Это было сделано в угоду Гречко. А теперь тот же самый Москаленко ругает Гречко – конечно, за дело – в частности, по кадрам (а ведь как восхвалял его ранее!).

Москаленко многих ушедших из жизни деятелей, которые чем-то обидели его, часто поносит. Он всегда высказывался о Жукове посредственно или еще хуже. То же почти о Тимошенко и еще здравствующем Чуйкове.

24 июня с. г. в Североморске он руководству СФ в присутствии нас, несколько человек из ГИ, рассказывал следующее: «Булчанину справляли 60 лет, он был МО. Был у него прием, где находился и К. С. Хрущев открыто обнимался и целовался с одной блядью, артисткой (певицей Вишневской), являвшейся бабой Булчанина, и последний охотно подставлял ее. А все блядство организовал Микоян. Все эти лица целовались с приглашенными «женщинами» в присутствии жен. Гречко тоже поставляли блядей, он свою жену не терпел. В Гурзуфе, в один из последних годов, Гречко появился с Кутаховым, где отдыхал Москаленко. Был недоволен, что он, Гречко, приехал в санаторий, а ему Москаленко не организовал цветов и толпу отдыхающих. Потом пришли в дом, а там подготовлена для Гречко проститутка. Москаленко и Кутахов ушли, а Гречко с ней путался (об этом я о Гречко уже слышу не в первый раз).

Вот таков Москаленко со своими достоинствами и слабостями.

24 октября, Москва. *Сегодня – воскресенье. В середине дня позвонил мне генерал-армии Шкадов, начальник ГУК: «Рассматривают Вашу кандидатуру на пост Главного военного советника во Вьетнам. Туда вводится советнический аппарат по просьбе вьетнамцев в связи с тем, что маоистский шовинистический Китай, не сумев втянуть в орбиту своей политики Вьетнам, развязал против него руками Камбоджи военные действия и, нарушив китайско-вьетнамскую границу, создал напряженную*

обстановку на севере Вьетнама. 4 ноября будет подписан советско-вьетнамский договор о дружбе и сотрудничестве».

Мне дали время для ответа до 10.00 13 ноября. В разговоре Шкадов сказал: «Этой работе во Вьетнаме сейчас придается важное значение. Приказано назначить человека на уровне командующего округа, с большим опытом. За Вас высказались Куликов и Огарков. Мое личное мнение – может стоять вопрос о повышении звания».

Я и без подчеркивания этого сам понимаю, что такое сегодня Вьетнам. Это – горячая точка, ответственный район, там не только безопасность и интересы самого Вьетнама, там – наши советские интересы. А дело Главного военного советника в самой крупной после СССР соцстране выполняют не многие. Что касается звания, то я на сей раз Шкадову, конечно, не поверил. Он уже один раз меня жестоко обманул.

13 ноября, Москва. Я долго думал. И сегодня ночью тоже. Я уже не молод и силы не те. Столько отдано военному делу. Столько вложено в сотни выращенных людей! И жена с не очень хорошим здоровьем, а там во Вьетнаме жара. Другая сторона – главная: я коммунист и для меня нет выше того, что нужно партии, родине. А Вьетнам – ох, как важно! Это ведь и великое доверие. Оно окрыляет, обязывает и вызывает подъем. К тому же я оставляю работу в главной инспекции, в органе, очень нужном и важном, но никем не уважаемом и ни во что не ставящемся, даже главным руководством МО. Сама же работа для моих знаний и опыта достаточно никчемная. Вот необходимость и доверие заставили меня сегодня ответить Шкадову: «Я уже один раз снижен. И дело не в том, что Вы предлагаете – второе снижение или нет. Как человек я ничего не теряю. Но Вьетнам – это ответственное дело и большое доверие сейчас, сегодня. Я счастлив этому доверию и то, что я накопил за немалую службу, постараюсь там применить». Шкадов сказал: «Не теряете, а приобретаете. Спасибо. Так и доложу МО маршалу Устинову».

15 ноября, Москва. Нужно оформлять анкеты себе и жене, биографии, фото и т.д. Вечером сказал Лизе. Она взволновалась, сказала: «Где хуже, где тяжелее – опять тебя! Может, хватит. У нас все есть, пора спокойно встретить смерть!»

Когда я ей пояснил, что Вьетнам сегодня самый горячий участок, весьма ответственный, его не всякому доверят, что я коммунист, пока в строю и достаточно здоров, могу ли я сказать: «Нет, не поеду, посылайте другого»? Я перестану считать себя человеком, и ты тоже. Она поняла, но, конечно, прослезилась.

19 декабря, Москва. Вчера был день рождения Брежнева – 72 года. Вручил ему Суслов третью звезду Героя. Теперь у него их три и плюс одна – героя соцтруда. Всего четыре. Хрущева и Жукова догнал. Последний их завоевал, а Брежнев и Хрущев – взяли. Властью. И людей, и весь мир насмешили. Думаю, что и Брежневу это вспомнит история как серьезный минус. История не прощает не только ошибки, но и несправедливость, самовозвеличивание. История все поставит на свои места.

О Вьетнаме. Мои документы в ЦК КПСС с 15.11 лежат. Да и не удивительно, ведь все отделы сейчас заняты Генсеком и его звездой. Некогда! Это важнее, чем сложная обстановка вокруг Вьетнама.